

*ББК 83.3(2=411.2)
УДК 8; 82.02/.09*

Е. В. Никольский¹

*Карпатский университет имени Августина Волошина
eugenius-09@ukr.net*

САКРАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО НАЧАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ КОНСЕРВАТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Проблема сакрализации национального начала (выразившееся, в частности, в идее и концепте «Святой Руси») в русской культуре и литературе была и остается очень актуальной. Зачастую она входила в противоречие с христианской доктриной. На тему «Святой Руси» писал Федор Иванович Тютчев. Он воспринимал идею не как утопию, а как реальность. Через «Святую Русь» поэт пытался определить место и роль России в мире. В числе поэтов, развивавших концепцию «Святой Руси» в своем творчестве, можно назвать и Алексея Степановича Хомякова. Он был художником, публицистом, но прежде всего философом, основоположником славянофильства. Его творчество полно философско-религиозных мотивов. В своих произведениях поэт обращается к вопросам правды, веры, любви, молитвы. Хомяков рассматривал идею «Святой Руси» с критических позиций. Его поэзия на популярные уже несколько столетий темы Святой Руси и Третьего Рима – скорее вопль библейского пророка, своеобразная иеремиада, скорбь о грехах «Нового Иерусалима», чем панегирик в честь реальных (зачастую преувеличенных), или мнимых побед, и достижений Российской (или иной) империи. Со строго богословской точки зрения, его поэзия приближается к художественной (ре)презентации христианской доктрины (в чистоте ее догматического разумения); у него речь идет о поклонении Богу (*adoratio*) и почитании (*veneration*) народных святынь. Но его глас (вопящего в социальной пустыне пророка) не был услышан, поэзия оказалась полузабыта. Но медь и триумфы продолжают звучать в неисцеленной суете мира сего.

¹ Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr. hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина

Ключевые слова: христианство vs язычество, святая Русь, Третий Рим, консерватизм, славянофильство, ересь, ортодоксия, романтизм, политическая поэзия, панславизм, польский вопрос, национальная идея

Литература в России всегда была более, чем изящная словесность, зачастую, правда, не всегда удачно она брала на себя профетические функции, поэт иногда становился больше, чем поэт, то есть брал на себя функции пророка, изъясняющего глубинный ход вещей и предлагающего порою футурологическую картину. А иногда литератор в своем ограниченном тщеславии превращался в лжепророка, то есть становился тем лицом, кого Святое Писание советует избегать.

С определенной долей условности проявление как пророческой, так и лже-пророческой интенций можно рассмотреть на примере интерпретации русскими поэтами мифологема «Святая Русь», в рамках которой развивалась чрезмерная сакрализация национального начала. В этой связи отметим, что словосочетание (а точнее концепт) «Святая Русь», обычно ассоциируется с чем-либо древним, либо даже божественным. Но при этом обычно не рассматривается, как именно оно возникло и чем представлено в сознании современных россиян [28; 31]. Между тем идея «Святой Руси» является древнерусской философской концепцией и имеет продолжительную предысторию [21; 22; 36]. В нескольких своих вариантах – «Светорусская земля», «Светлорусская земля», «Святорусская земля» – она восходит к дохристианским временам, к самым первым и старым «духовным» стихам и былинам¹.

Данная доктрина появилась на Руси в XI–XIII веках и была тесно связана с принятием христианства в 988 году, то есть с выбором нового религиозно-политического направления. Однако многие исследователи считают, что принятие этой идеи оказалось возможным только благодаря менталитету людей мира русского язычества [2, 250]. Концепция «Святой Руси» играет важную роль в культурном самосознании русского народа [1; 27]. На ее основе на протяжении веков рождались не только художественные направления, как, например, духовые стихи, но даже псевдо-богословские и квази-

¹ В современном российском православии это «Святая Русь», более-менее классическая анти-секулярная модерная утопия nation-state, национального государства, одновременно эсхатологическая и ретроспективная, т.е. обращенная к мифическому «золотому веку» в прошлом и будущем. Она идентична аналогичным утопиям религиозных националистов по всему миру, например, "Kingdom of God" латиноамериканских христиан, галактическому или дхармическому обществу соответственно израильских иудеев или шриланкийских буддистов.

политические трактаты, (например, те, в которых оформилась теория «Москва – Третий Рим») [7; 8; 9; 13]. Их суть сводится к тому, что Русь – это последняя страна, в которой сохранилась истинная христианская вера, а русский народ благодаря извечному стремлению к безгрешности, доброте и справедливости является богоизбранным [См: 26].

Сразу же отметим принципиальную вещь: сама формулировка «Святая Русь» крайне странна. Ведь, англичанин говорит «добрая старая Англия», француз – «прекрасная Франция», итальянец – «сладостная Италия», украинец – «милая Украина», поляк – «любимая Польша». А Русь (или Россия) – она не всегда добрая, порой не особо прекрасная, милая или любимая, и уж совсем редко, когда сладостная. Для многих (в том числе и некоторые политиков, забывающих об этикете) она и вовсе «немытая» и «проклятая». Поэтому очень часто, люди, не утратившие трезвого мышления, с иронией или скепсисом говорят о так называемой «Святой Руси» [6].

И это закономерно, ибо «Святая Русь» – оксюморон, совмещение несовместимого. Это слово-кентавр, будучи историософским самоназванием, беспощадно к себе, бескомпромиссно в своей чрезмерности. В формуле «Святая Русь» скрещивается нескрещиваемое: скрещивается святость (то есть свойство Бога) с русскостью (творение, пытающееся повторить известный «подвиг» падшего херувима и стать на один уровень с Творцом). Не какое-то частичное пересечение, но абсолютное совпадение – мысль о том, что якобы земля, на которой обретаются современные россияне, свята сама по себе. Отождествляется и соединяется замирное, надмирное, предмирное, то, что было до всего, до сотворения мироздания и конкретно, имеющее географические и исторические очертания, имеющее этнического носителя, в конце концов.

Выскажемся сразу: здесь мы встречаемся не с христианским миропониманием, а с языческим. Ведь в основе христианства – последовательный христоцентризм, радикальный теоцентризм. Есть понятие о поклонении исключительно Богу (в латинской теологической терминологии св. преп. Фомы Аквинского – *adoratio*) и опосредованное почитание личностей, репрезентирующих Бога, то есть Девы Марии и святых (*veneratio*). Причем почитание святых невозможно без поклонения Святой Троице как Единому Богу. Сами по себе территории в такой контекст не вписываются. Именование Палестины святой землей условно, и оно лишь напоминает нам о наличии общехристианских святынь, посещение которых (в отличие от Мекки и, например, дельфийского оракула, или места рождения Ким Ир Сена для нехристей) не является обязательным для верующих христиан.

А вот при упоминании термина *Святая Русь* начинается поклонение творению, а не Творцу, иными словами, самое банальное язычество в его самом классическом проявлении, только прикрытое, как интимное место у античной статуи, фиговым листком христианской терминологии.

Анализируемый концепт противопоставляет Русь другим странам, особенно католическим, которые якобы отказались от подлинной веры в Иисуса Христа. Мотив «Святой Руси» присутствовал уже в древнерусском творчестве. Герои русских былин и духовных стихов часто боролись за христианскую веру, «свято-русскую» или «светло-русскую» землю, которая была представлена вместе с Константинополем и Иерусалимом как важнейший религиозный центр (без Бога), а сама по себе, в своем псевдо-абсолютном бытии.

Важно заметить, что выражение «Христианская Русь – Новый Израиль» – выступило в «Слове о законе и благодати», которое было написано в XI веке митрополитом Илларионом Киевским. Но само время возникновения идеи «Святой Руси» определить достаточно трудно. Существуют различные мнения ученых, когда она точно появилась в русской политической, общественной и культурной жизни. Например, И. Н. Данилевский [10] утверждает, что возникновение концепции надо отнести к 30-м гг. XI в., Н. С. Трубецкой [28] относит ее к XIII в., В. М. Сторчак доказывает [26], что начало идеи «Святой Руси» связано с концепцией «Москва – Третий Рим», то есть с XVI в. Таким образом, можно увидеть, что из-за разногласий в научной среде вопрос о возникновении концепции «Святой Руси» остается дискуссионным и актуальным.

Важно заметить, что термин «Русь» на протяжении XI-XIII вв. относился к территории, расположенной от верховий Северной Двины на севере и притоков Волги на востоке, до Таманского полуострова на юге и до верховьев Вислы на западе. В состав этого этнокультурного региона, находящегося в Восточной Европе, входили разные княжества, как например Киевское, Смоленское, Полоцкое или Новгородское, а также Галицко-Волынское и Холмское. Однако самое большое значение имела Киевская Русь, которая позже была названа древнерусским государством. Русь являлась стратегической страной с политической и экономической точки зрения. На этой территории находился, так называемый, путь «из варяг в греки», который был водным торговым путем по Днепру и по Волге из Балтийского моря в Византию. Им пользовались варяги, русские и другие торговцы, которые хотели разбогатеть.

Таким образом, Киевская Русь постоянно была в опасности. Русские князья были осведомлены, что чтобы сохранить свое государство надо было присоединиться к какому-то политическому союзу. В это время такую же функцию выполняли религиозные лагерь. Следовательно, в 988 году князь Владимир Святославович решил принять христианство в Константинопольской Церкви. Этот выбор был вызван не только политическими условиями. Русские люди испокон веков стремились к красоте и духовной истине, поэтому этот фактор сыграл большую роль в процессе принятия новой веры. Посланники князя Владимира посетили несколько религиозных центров, чтобы познакомиться с храмами и ритуалами.

Благодаря крещению русские люди начали воспринимать себя как богоизбранный народ, а родную землю стали считать святой. Следует отметить, что раньше понятие «святая земля» относилось только к Израилю и к Ближнему Востоку, то есть к территории, на которой жил и действовал Иисус Христос. Авторы были и духовных стихов сравнивали Киев с библейскими или иными скарализованными городами, например, с Константинополем и Иерусалимом. Важно обратить внимание, что название одной из гор, на которых стоит Киев, – Хоревица, связано с городом Хорив на Синае, на которой Бог явился Моисею и дал ему Десять заповедей. Кроме названия этой горы, в Киевской Руси существовало еще много разных памятников и зданий, которые имеют связь с ранним христианством.

Например, в константинопольском архитектурном стиле были построены одни из самых старых зданий Киевской Руси, то есть собор Святой Софии и Золотые ворота. Исследователи считают, что славянское язычество являлось хорошей почвой для возникновения идеи «Святой Руси». Александр Бедаев утверждает, что «идея святости земли, ее мудрости, как обращенного на себя познания, идея святости как красоты, идея греха, страдания, как средства преобразования человека и всей Русской земли, образ света, воспринятый русскими, христианскими книжниками как исключительно «свет умный» и др. – образ языческой Руси» [2]. Со временем концепция «Святой Руси» благодаря интеллектуальным усилиям русских монахов и ученых становилась все более и более конкретной.

В 1237 на территорию Руси вторглись монгольские войска под руководством чингизида Батыея. Сначала монголы завоевали Рязань, потом разрушили Москву, Суздаль и Владимир. Борьба русских князей за независимость закончилась в декабре 1240 года, когда монгольская армия уничтожила Киев. Узурпатором удалось завоевать практически все княжества, кроме новгородской земли. Таким образом,

значительная часть территории Восточной Европы вошла в состав монгольского государства – Золотой Орды.

Монголо-татарское иго было политической системой даннической зависимости русских князей от монгольских ханов, которых интересовали, прежде всего, деньги. У князей была большая свобода, они, например, сохранили свои титулы. Характерной чертой монгольского управления была религиозная терпимость. Церкви и монастыри не платили дани, а завоеватели не вмешивались в вопросы веры. Иго длилось более 250 лет. Первым правителем, который свергнул монголо-татарское ярмо, был московский князь Иван III. Ему это удалось в 1480 году. Затем он начал так называемый процесс объединения русской земли (а реально аннексии московскими правителями, ставшими по евразийской доктрине, наследниками Золотой Орды, других княжеств) вокруг их московского княжества.

Среди русской политической и религиозной элиты широко распространена была концепция, согласно которой, конец Византийской империи наступил в результате заключения флорентийской унии (договора Католической и Православной церквей, что пытался закончить раскол, который состоялся в 1054 году) во время Ферраро-Флорентийский собора в 1439 году. Соглашение было принято негативно среди московских православных священников и верующих, оно являлось божественным наказанием из-за подписания соглашения с Римским папой. Русские священники утверждали, что греческое православие отказалось от истинного учения Иисуса Христа и таким образом, Москва должна занять место Константинополя. Духовенство, вступившее в унию, было объявлено еретиками. После распада Золотой Орды в конце XV века исчезла внешняя угроза, а после падения Константинополя, который на протяжении многих веков был источником правовых норм религии и культуры на Руси, московское княжество, которое было единственным независимым православным государством, начало претендовать на роль истинного защитника христианства. Для централизации и укрепления московского государства власть требовала политической силы – идеи, которая была бы краеугольным камнем для княжества и помогла бы объединить русский народ, а затем православных верующих, вокруг укреплявшего свои позиции московского государства.

Впервые в литературном произведении словосочетание «Святая Русь» выступает в середине XVI века. Его использовал Максим Грек. Идея «Святой Руси» приняла новый характер в XVI веке, когда «старец» Филофей Псковский [7; 30] представил свою концепцию «Москва – Третий Рим» великому князю Василию III. Окончательное выражение

нового самосознания русского народа и новой роли московского царя дает монах Филофей псковский в письмах к дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину и великому князю. Его послания были ответом на астрологические предсказания и концепции объединения церковью Николая Немчина. Таким образом, Филофей Псковский был вынужден писать о положении Русской Церкви, ее связи с Римом и Константинополем и также о соблюдении правил, принятых на Вселенских Соборах.

Монах предложил альтернативную идею философии истории – «Москва – Третий Рим». Он создал концепцию, благодаря которой Русь нашла свое место в мировой истории. Согласно этой религиозно-политической теории, после падения Рима в 476 году и Константинополя, так называемого «второго Рима», в 1453 году, истинная христианская вера осталась неповрежденной только на Руси. Таким образом, Москва является преемницей и продолжательницей миссии первого и второго Римов [1]. О православной Грузии речь не шла, видимо, просто не знали о ее существовании. Псковский монах считал, что единственной Церковью, в которой сохранилась истинная христианская вера, является московская Церковь, и она будет продолжаться до скончания мира.

Догмат о единой, святой, соборной и апостольской Церкви касается Москвы, и только она является депозитарием божественной истины, которая сохраняет целую христианскую доктрину. Таким образом, Филофей обратился к своим читателям: «два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать». По мнению Филофея, деятельность государства тесно связана с деятельностью Церкви. Царь отвечает за христианский мир, и он, когда стремится к справедливости, должен защищать свободу функционирования Церкви. Только Московская Церковь сохранила ортодоксальность. Москва является последней христианской империей, потому что «романское царство неразруσιμο, ибо Господь в римскую область вписался».

Итак, теория «Москва – Третий Рим» «старца» Филофея Псковского является новой, более конкретной версией идеи о святости Руси. Главная проблема концепции заключается в том, что после падения первого и второго Рима истинную христианскую веру сохраняет только Москва. Русь – это преемница религиозной миссии Рима и Константинополя, а русский народ считается богоизбранным [2; 1045]. Изначально идея монаха имела не столько политический, сколько религиозно-исторический характер. Следует отметить, что, согласно идее Филофея Псковского, «Третий Рим» будет стоять вечно [17; 18].

Но само слово вечно понималось до Страшного Суда, который активно ждали россияне в XVI столетии. Ведь именно в «...перспективах апокалиптического беспокойства вырисовываются первые очертания известной “теории Третьего Рима”. <...> Это была именно эсхатологическая теория, и у самого старца Филофея она строго выдержана в эсхатологических тонах и категориях. “Яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти”. <...> Схема взята привычная из византийской апокалиптики: смена царств или, вернее, образ странствующего Царства, – Царство или Град в странствии и скитании, пока не придет час бежать в пустыню. В этой схеме два аспекта: минор и мажор, апокалиптика и хилиазм. В русском восприятии первичным и основным был именно апокалиптический минор. Образ Третьего Рима обозначается на фоне надвигающегося конца – “посем чаем царства, ему же несть конца”. И Филофей напоминает апостольское предостережение: “приидет же день Господень, яко тать в нощи...” [30]. Так писал историк русской религиозной мысли Георгий Флоровский.

Но вскоре, после того как чаемый конец света, по понятным причинам, не случился, стало решающим фактором «именно националистическое самоутверждение». И вскоре «...были сделаны решительные церковно-политические выводы из “теории Третьего Рима”, которая в это время уже окончательно переродилась из апокалиптической догадки в правительственную идеологию. Было установлено Московское патриаршество во свидетельство независимости и преобладание скорее Русского Царства, чем самой Русской Церкви» [30]. Таким образом, изначально религиозная (эсхатологическая) доктрина трансформировалась в политическую, а порою и шовинистическую идеологему, стыдливо прикрытую вервием христианских концептов.

Возрождение концепции «Святой Руси» в Российской Империи началось в петровские времена [20], но реально наступило в XIX веке. Можно выделить две волны этой тенденции. Первая была связана не только с распространением в обществе древнерусских былин, но также с появлением патриотических настроений благодаря победам царя Александра I над императором Наполеоном.

На протяжении многих веков идея «Святой Руси» принимала различные формы благодаря политическим, общественным и экономическим обстоятельствам. Хотя к ней охотно обращались представители разных идеологических концепций, например, славянофилы, почвенники и, что ныне совсем неведомо «просвещенному» истеблишменту, галицкие, львовские и карпатские русофилы XIX столетия [38], ее основные предложения остались без изменений.

Мы бы хотели обратить особое внимание на источники идеи о святости Руси в славянофильстве, потому что это религиозно-философское течение сыграло огромную роль в русской политической и общественной жизни XIX века. В этот период оно порождает еще одну модификацию в виде «Теории официальной народности», которую создал министр народного просвещения князь Сергей Уваров [22; 28]. В «Докладах министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I» он писал: «Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – имеем мы три главных:

- 1) Православная Вера,
- 2) Самодержавие,
- 3) Народность» [14].

Отметим, что славянофильская школа сначала была связана с творчеством российских публицистов и философов XIX века, таких как, например, Константин Аксаков, Иван Киреевский и Алексей Хомяков. Их взгляды на особую роль России в истории мира сформировались, во-первых, под влиянием дискуссии с доктриной Уварова, а во-вторых, из-за критического отношения к немецкой философии.

Министр народного просвещения в свою очередь считал, что русская народность заключается в безграничной преданности власти, а славянофилы все сферы, связанные с функционированием государства, подчиняли национальной жизни. Они считали, что главной проблемой является защита ценностей допетровской Руси. Славянофилы идеализировали допетровскую Русь и мечтали о возврате на ее путь. Они также сопротивлялись секуляризации страны и заботились о неизменности христианской доктрины и о единстве народа и Церкви. Ссылаясь на концепцию «Святой Руси», славянофилы разделяли Европу на две части: западную (латинскую) и восточную (греко-славянскую). По их мнению, латинская цивилизация складывается из трех компонентов: 1) завоевание как основной способ формирования западных стран; 2) наследие древнего Рима; 3) Католическая Церковь. Славянофилы наивно думали (ввиду плохого знания источников и почти полного незнакомства с духовными практиками католицизма), что христианство на Западе было искажено из-за научной деятельности и амбиций иерархов Римской Церкви.

Противоположностью западного мира в их доктрине является восточная цивилизация, а ее главным представителем является

Российская Империя [39; 40]. По словам славянофилов, православие продолжает истинную христианскую веру, сформулированную на Семи Вселенских Соборах. Россия родилась не в результате заболевания, но благодаря воле народа, что отличает ее от латинской цивилизации. Представители славянофильства утверждали, что основой русского народа является православие, а перед Россией стоит задача защиты великой традиции от искажения, происходящего с Запада. Вполне закономерно, что славянофилы очень часто обращались к идеям «Святой Руси» и «Москвы – Третьего Рима». Их публикации были наполнены суб-идеями, непосредственно выведенными из этих родственных теорий.

Хорошо видны у представителей славянофильства, например, ссылки на концепцию о единой истинной православной вере, которая сохранилась только в Российской Империи [14]. Компонентами, которые дополнительно соединяют славянофильство со сторонниками средневековой русской идеи, являются задача защиты православия от западной ереси и особенная роль русского богоизбранного народа в мировой истории. В 1848–1849 годах Европу потрясли революции, охватившие почти все страны континента, кроме Российской Империи, Великобритании, Королевства Нидерландов, Швейцарии и Османской Империи. Так называемая «Весна народов» имела национально-освободительный и антифеодальный характер.

Революционеры боролись за демократизацию политической и общественной жизни в своих странах. Нужно иметь в виду, что существовала опасность, что революционные движения затронут также и Россию. Таким образом, император Николай I был вынужден издать манифест «О событиях в западной Европе» (от 14 марта 1848 года), в котором утвердил: «мятеж <...> имеет дерзость угрожать России». И далее, он писал: «По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бог Всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем в неразрывном союзе со *Святою Нашею Русью*, защищать честь имени Русского и неприкосновенности пределов Наших». Царь свое обращение закончил словами: «С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!» [Выделено нами – *Е. Н.*].

Как мы можем видеть, религиозные отсылки доминировали в царских манифестах, особенно когда речь шла о вопросах национального значения.

На подобные социальные доктрины и пара-религиозные дискуссии не могла не отреагировать и литература. Так, в 40-50 гг. XIX века князь Петр Андреевич Вяземский перешел на консервативные позиции. Это изменение мировоззрения можно увидеть

в стихотворении «Святая Русь», которое было напечатано в мае 1848 году и явилось откликом на общественно-политическую атмосферу тех дней, то есть на возможную будущую войну Российской Империи с мятежными европейцами, на их восстания и на революционное движение. Стихотворение «Святая Русь» тематически было связано с отказом Вяземского от идей демократизации общественной и литературной жизни. Заглавие стихотворения Вяземского отсылает не только к религиозной и общественной идее, но и к словам, которые царь Николай I произнес в воззвании «О событиях в западной Европе». «Святая Русь» является манифестом поддержки монархии и православной веры, а также отказа от революции и секуляризации.

Как в эти дни години гневной
Ты мне мила, Святая Русь
Молитвой теплой, задушевной,
Как за тебя в те дни молюсь! [5].

Князь утверждал, что Россия имеет вселенское значение и является духовным спасением Европы. Таким образом, поэт считал, что надо гордиться страной, особенно во время «народной бури», потому что она является отражением христианского порядка.

«Святая Русь», по мнению Вяземского, это, во-первых, вера, во-вторых, самодержавие, во-третьих, русский язык и история. Эта классификация является модификацией уваровской триады: «православие, самодержавие, народность». Для Вяземского этот девиз звучит как «вера, царь, отечество».

Поэт утверждает, что самым важным символом Российской Империи является язык, который чарует риторикой. Вяземский доказывает, что «Святая Русь» является идеей, которая была создана самим русским языком. Он также утверждает, что «Святая Русь» – это дар Провидения, который был дан России вместе с христианством:

Святая Русь! Родного слова
Многочисленная речь!
Завет нам Божьего покрова
И отклик наш средь бурных сеч! [5].

Поэт в конце своего произведения утверждает идею, что с момента крещения Русь стала святой и главная задача сегодня состоит в том, чтобы защищать это состояние в будущем:

О, дорожи своим залогом!
Блуди тобой избранный путь
И пред людьми, и перед Богом,
Святая Русь, святою будь! [5]

На стихотворение Петра Вяземского ответил известный русский писатель Василий Жуковский в своей работе «Святая Русь», где он отобразил свои взгляды на политическую ситуацию: «Никакой человеческий ум не мог бы признать возможным того, что случилось и что, в несколько дней, с такою демоническою, необоримою силою, опрокинуло созданное веками. Можно было слышать, и давно, давно это было слышно, что в глубине кратера, таившегося под слоями многих поколений, шевелилась скопляющаяся лава; и покой правительств, которые лениво и упрямо спали на краю этого кратера, есть гибельная неосторожность, вполне заслуживающая имя преступления» [12].

Жуковский соглашается с тем, что в своем произведении Вяземский написал о «Святой Руси». Автор статьи утверждает, что стихи князя являются чистой правдой: «твой стихи правда потому, что в них просто, верно, без всякой натяжки, выражается то, что глубоко живет в душе...» [12].

Жуковский обратился к русскому мессианизму: «Не выражает ли оно для нас с новою убедительностию, одним звуком всего, что в течение веков сделалось нашею верою, любовью и надеждою? Не яснее ли означается в нем этот особенный союз наш с Богом, вследствие которого от наших праотцев перешло к нам и чудное имя его Русской Богъ [не Российский Богъ, как оканчивает своего Димитрия Донского Озеров]. Русской Богъ – Святая Русь, подобных наименований Бога и отечества, кажется, ни один европейский народ не имеет» [12].

Жуковский также употребляет формулу «Русский Бог». Он считает, что это определение относится не только к вере, но и к русской народной традиции, в которой есть много отсылок к Богу: «Этот “Русской Богъ” есть удивительное создание нашего ума народного, понятия о Немъ, отдельно существующее при вере в Бога христианского, истекающей из божественного откровения, присоединено к ней, будучи выведено русским народом из откровения, в его истории заключающагося, понятия о Боге ощутительном, на опыте доказанном, повсеместно, без всякого проповедания признанном, понятие, одним только русским народом присвоенное». По мнению автора, смешно было бы сказать английский или немецкий Бог, но когда употребляем выражение «Русской Бог», то «ДУША БЛАГОГОВЕЕТ» [12]. Жуковский считает, что православная вера, русский язык, народная жизнь и память входят в состав идей «Святой Руси». Он уверен, что сущность идеи могут понять только русские: «Святая Русь есть отдельная, наследственная собственность русского народа, упроченная ему Богом» [12].

Жуковский утверждал, что невозможно сравнивать Российскую Империю и «Святую Русь», потому что Россия являлась только государством, которое на протяжении веков совершило много ошибок. Важно заметить, что поэт относился к России с большой долей критики. Таким образом, Жуковский доказывает, что «Святая Русь» – это не реальность, а идея, которая на протяжении всей истории объединяла русский народ. Особенную же силу этому слову дали печальные времена Мамаю: «тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным, боевым криком; им утешала нас наша церковь, его произносили князья наши, неся в Орду свою голову за отечество, оно гремело на Куликовом поле; оно должно было получить удивительный смысл на устах Великого Иоанна III, уничтожившаго рабство татарское, и вдруг явившагося самодержавным обладателем всяя России» [12].

По мнению Жуковского, на Западе «вера в святое исчезла», и поэтому там появились общественные и политические проблемы. Поэт утверждает, что основной причиной плохой ситуации в Европе является процесс религиозной реформации. Во фрагменте текста статьи, который не пропустил цензор, читаем: «...вместо исторических злоупотреблений церковной власти она разрушила духовный, дотоле не тронутый авторитет церкви ... святое заменилось языческую мудростью древних; родился дух противоречия; начался мятеж против всякой власти, как божественной, так и человеческой» [12].

Таким образом, он верил, что европейская цивилизация погибнет, если не вернется к своей истинной вере: «Итак, чтобы предохранить цивилизацию Европы от ниспадения в варварство, надлежит возвратить ее к началам, ею утраченным» [12]. Следовательно, Жуковский считал, что Россия являлась противоположностью Запада, она всегда была верна своим принципам. Он утверждал, что Российская Империя должна хранить свои основы, то есть самодержавие и церковь, особенно в контексте революционной угрозы XIX века.

Свой взгляд на комплекс более политических, чем собственно религиозных проблем, связанных с концептом *Святой Руси*, выразил и Федор Иванович Тютчев. Его миропонимание, самостоятельно сложившееся в Германии, в России нашло много общего с идеологией славянофилов. Главным постулатом поэта являлось возвращение к корням и возрождение русского народа. В своих работах он обращался также к идеям славянского единства. Взгляды Тютчева характеризовала уверенность в том, что Россия, отличаясь от Западной цивилизации, следует своему пути, который находит опору

в православии. Для творчества Тютчева характерна также вера в великое предназначение России. Даже после окончания своей дипломатической карьеры Тютчев интересовался западноевропейской и российской политикой. До смерти он придерживался своих взглядов.

Поэтическое творчество Ф. И. Тютчева можно разделить на две «сферы». Во-первых, это философская лирика, стихи о любви и природе, а во-вторых, это политические, религиозные или политико-религиозные произведения. Многие исследователи и критики литературы утверждают, что первая группа является самой важной, ко второй относятся поверхностно, считая ее частью дипломатической деятельности Тютчева, которая была направлена на представление Российской Империи в странах Западной Европы. Русский литературовед Дмитрий Мирский считает [37], что политическое творчество Тютчева является зарифмованной журналистикой. Он отмечает, что очень трудно найти связь между одной и второй группой. Создается впечатление, что они были написаны разными авторами.

Надо обратить внимание, что существуют также произведения Тютчева, в которых можно встретить обе интенции его творчества. Например, стихотворение «День Православного Востока», написанное 16 апреля 1872 года, незадолго до смерти автора. Оно композиционно делится на две части. Первая часть – это политико-религиозные рассуждения, в которых автор стремится определить место и роль России в мире. В первых десяти строфах не выражено ни косвенно, ни прямо личное отношение автора к данному вопросу. В них находятся только призывы к пасхальному воскресенью. Такая структура стихотворения отсылает к торжественной оде Екатерининского времени. Ведь стихотворение состоит из пяти строф, написанных четырехстопным ямбом, который характерен для русской оды эпохи классицизма. Первая строфа напоминает оду XVIII века, которая относится к победе на поле битвы. Шведский исследователь Пер-Арне Будин отмечает: «Традиционная формула “на день” здесь заменяется просто словом “день”, которое подчеркивает временное или, вернее, вневременное звучание стихотворения. В нем воспевается не событие во времени, а само наступившее время. В сочетании с отсутствием личных форм глагола это делает первую часть стихотворения как бы устремленной в вечность» [4, 56]. В. М. Жирмунский тоже обращает внимание на то, что первые строки стихотворения напоминают русскую оду XVIII века [11, 44], что видно не только благодаря использованию слова «день», но и благодаря метафоре облачения:

День православного Востока,
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!

«День православного Востока» является одним из первых примеров «пасхальных стихов» в русской поэзии. Следующий образец такого жанра – это стихотворение Хомякова «Кремлевская заутреня на Пасху». Пасхальные стихи были очень популярны в конце XIX века. Будин утверждает, что «Пасхальная весть в стихотворении включает в себя образ святой Руси, а также империалистическое представление о державе, переливающейся через свои границы, как и весть о воскресении» [4, 57].

В первой части тютчевского произведения часто встречаются слова, означающие этот выход за пределы: «разлей», «широко», «льется». Некоторые выражения, как, например, «День православного Востока» или «Святая Русь», неоднозначны. Их можно воспринимать и как религиозное, и как политическое послание. Концепт «Святая Русь» в этом стихотворении не является утопией, но предстает как отражение реальности, как отражение интересов Российской Империи в мире. Важно заметить, что ранние славянофилы считали, что Россия – это противоположность «Святой Руси», потому что идея – это потерянный рай, а не действительность. Для них «Святая Русь – утопическое понятие: если Утопия достигнута, время останавливается. В стихотворении формулируется дилемма русской националистической мысли, ведь приписать собственной стране святость означает поставить ее вне времени и вне истории. Рассматриваемое стихотворение подтверждает это «как своей грамматической структурой, так и идеологической направленностью» [4, 58].

Тема Святой Руси у Ф. И. Тютчева заключается в слове «святись». Таким образом, поэт обращает внимание на то, что святость связана не только с пространством, но и с исторической теорией, которая рассматривает Москву как Новый Иерусалим. Вторая часть стихотворения представляет собой отход от политико-религиозной тематики и переход на личный уровень. Начало этого перелома мы встречаем в середине третьей строфы, то есть, когда появляется личный субъект – «мое родимое дитя». Будин пишет, что «слово *долина* с его смешанной географически-религиозной коннотацией является переходным» [4, 59]:

Свою дальнею волною
И ту долину захвата,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя [29, I, 176].

В четвертой строфе слово «край» обозначает ограниченное пространство, что является противоположностью мотиву переливания через край, который получает развитие в первой части. В конце стихотворения, то есть в пятой строфе, мы вновь выходим на тему воскресения. Последние строки напоминают молитву. Важно заметить, что в стихотворении «День православного Востока» Тютчев не только пытается соединить политико-религиозный пафос с личной молитвой, но и разделяет мир на две части: на Восток и на Запад. С Россией автор стихотворения соотносит такие слова, как «расширяющееся пространство», «мир целый», «святая»; Запад же – это ее противоположность, то есть «ограниченное пространство», «теплый».

Противопоставление двух миров показывает извечный политический и экзистенциальный конфликт. Надо обратить внимание на выводы, которые в своей статье предлагает шведский исследователь Будин: «В стихотворении “День Православного Востока” происходит следующее – политико-религиозные декларации дают автору возможность выразить надежду, связанную с днем воскресения, и утешение... При этом стихотворение как бы распадается на две части, поскольку различия между первой и второй частью как по форме, так и по содержанию непреодолимы» [4, 60].

Итак, в стихотворении «День православного Востока» Федора Тютчева заключается существенная проблема русской национальной и империалистической мысли, лишь фоном которой в течении многих веков является идея «Святой Руси».

Тютчев презирал западноевропейскую «ложность», которая, по его мнению, началась будто бы с отхода от единственной правильной церкви, питаемой индивидуализмом и эгоцентризмом. Эти идеи нашли свое воплощение в его стихотворении «Славянам». Поэт считал, что Запад, боясь перспективы союза объединенных славян, борется с ними с помощью двойных стандартов, таких как забвение исторической памяти и манипуляции расколами в славянской среде. Дальнейшая часть стихотворения посвящена полякам, которых после январского восстания (или точнее польского восстание 1863–1864 годов) Ф. И. Тютчев считает предателями славянства, называя народ Иудой:

А между нас – позор немалый, –
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим [29, II, 177].

Отождествление Польши с Иудой связано с пониманием христианской миссии России: объединение всех людей и возвращение к истинному единству Церкви и человечества. Но по Ф. И. Тютчеву всеславянская империя, которая должна была выполнить историческую миссию обновления Европы, состояла, по словам поэта, из двух элементов: славян, которые были телом, и православных, которые были душой государства. Тютчев учитывал проблему польского самоосознания в том, что «католическое начало вошло в кровь и плоть поляков» [13, 205]. Довольно странный взгляд на польский этнос, ведь именно там христианские традиции оказались более крепкими, чем на «святой Руси». А различия между Православием и Католичеством менее значительны, чем между христианством и язычеством (включая и коммунизм), или исламом.

Несколько иной взгляд на эту идею выразил другой славянофил, философ и поэт Алексей Степанович Хомяков. Его литературное наследие состоит из политических и религиозно-философские статей, трагедий, поэм и политико-религиозных стихотворений. Хомяков работал также над книгой, которая касалась истории философии. Поэт был увлечен философией, особенно классическим немецким идеализмом и творчеством Шеллинга

Хомяков утверждал, что невозможно отделить российское государство от православной церкви: «Без влияния, без живительной силы христианства не восстала бы земля русская». Философ, ссылаясь на концепцию «Москва – Третий Рим», утверждал, что только Восточная церковь могла иметь такое большое влияние на формирование российского государства, потому что Западная церковь «обратилась к рационализму, утратила чистоту, заключила в себе ядовитое начало будущего падения, но овладела грубым человечеством, развила его силы вещественные и умственные и создала мир прекрасный, соблазнительный, но обреченный на гибель, мир католицизма и реформаторства» [35, 464].

Эстонский философ Л. Н. Столович замечает, что в отличие от Киреевского Хомяков не идеализировал Русь – Россию. Он осуждал «илотизм крестьян до Петра» и современную «мерзость рабства законного», тяжелую «во всех смыслах, вещественном и нравственном». Современная Россия «...и радуется, и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже с своими» [25, 120].

Вместе с тем, по его словам, «лучше инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться» [3, 368]. Таким образом,

А. С. Хомяков относится к древнерусской концепции «Святой Руси» негативно. Для него эта теория является идеальным миром, утопией, потому что реальность того времени была совершенно иной.

Обратим внимание, что Хомяков отмечает, что древнерусское христианство приобрело социальный характер: «Как бы дорога мне ни была Россия, я не могу и не смею этого сказать о ней. Никогда еще не было народа, страны или государства, которые заслужили бы такую дань, даже отдаленно, и уж конечно, она чрезмерна для России». Можем заметить, что Хомяков отрицает святость допетровской Руси из-за общественных грехов, таких как взяточничество или социальное неравенство. Важно обратить внимание, что поэт, в отличие от иных славянофилов, положительно относится к реформам Петра I. Однако, по мнению Хомякова, идеальная «Святая Русь» является противоположностью современному ему «греховному государству» [36, 468].

В стихотворении «России» (1839) поэт предупреждает, что нельзя гордиться военными победами России, огромной территорией или большим богатством:

Красны степей твоих уборы,
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озера...
Не верь, не слушай, не гордись! [32]

Хомяков хочет, чтобы государство и русский народ обратились к молитве, вере, смирению, потому что только таким образом можно достигнуть вечного счастья:

Бесплоден всякой дух гордыни,
Неверно золото, сталь хрупка.
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!
И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца сокровенна,
Глагол творца прияла ты [32].

Поэт затрагивает тему «Святой Руси» также в стихотворении «Не говорите: “То былое...”», которое было написано в 1844 году. Хомяков убежден, что Российская империя является государством, полным грехов и беззакония. Он отвергает мнение, что только предшественники несут ответственность за нынешнее состояние российского общества и государства. Это убеждение вытекает уже из заглавия произведения.

Алексей Хомяков уверен, что все проступки народа тесно связаны с сущностью человечества и проявляются в жизни каждого русского.

Не говорите: «То былое,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Нет! этот грех – он вечно с вами,
Он в вас, он в жилах и крови,
Он сросся с вашими сердцами –
Сердцами, мертвыми к любви [34].

Как и в стихотворении «России», лирический герой просит читателя, чтобы он обратился к вере. Он хочет, чтобы люди молились «...за все грехи былых времен», за все, что было заторным в истории России, за все несправедливые завоевания, за плохое состояние русского народа, «за узаконенный разврат». Для автора молитва за все беззаконие – единственный способ к спасению русского народа.

За все, за всякие страданья,
За всякий погранный закон...
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, –
Пред Богом благодсти и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил! [34]

В произведении «России» («Тебя призвал на брань святую...») [35] Хомяков пишет, что Россия является богоизбранной страной. Но автор понимает, что согласно Священному Писанию недостаточно быть избранным, чтобы быть спасенным Богом. Надо также соблюдать десять заповедей Божьих, избегать грехов и молиться. Таким образом, автор непосредственно обращается к своему народу с просьбой сохранять и соблюдать религиозные правила:

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод [35].

Известный филолог и культуролог Валерий Лепяхин в своей статье «Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историсофские категории Святой Руси» замечает, что «...до Хомякова Святая Русь понималась в двух измерениях: как народный русский идеал, к которому следует стремиться, как страна, услышавшая призыв, обращенный ко всем («Будьте святые,

ибо Я свят» – Лев.11: 44; 1 Фес.4: 7), и как «остаток» или «корень», т. е. та часть Святой Руси, которая действительно свята уже здесь в этом мире (это святые подвижники, монастыри, храмы, церковное искусство и словесность). Хомяков несколько раз употребляет слово «избранный», и именно в том значении, в котором оно употреблено в Ветхом Завете по отношению к избранному израильскому народу» [19]. И здесь следует отметить новое качество в понимании Святой Руси у Хомякова и у славянофилов: избранность это – не привилегия, а ответственность и тяжкое бремя, Бог наказывает избранного «двойным наказанием», поэтому поэт напоминает:

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло! [35].

Отношение Хомякова к идее «Святой Руси» вытекает из славянофильской концепции российского государства, которую метко охарактеризовал Вильям ван дер Беркен. По его мнению, славянофилы не столько выступали против идеи государства, сколько относились к нему не как к продукту Божьей деятельности. Исследователь писал: «Они были против восхваления царя, а братья Аксаковы развивали учение о отдельных сферах государства, “необходимом зле”, с одной стороны, и народе, который, с их точки зрения, далек от политики, – с другой» [3, 367].

Важно заметить, что с точки зрения славянофилов, система российского государства являлась несовершенной, примером чего было крепостное право. По их мнению, крестьянство – это естественный класс, жизнь которого тесно связана с душой русского народа, а «Святая Русь» являлась названием допетровской Руси.

«Святая Русь» как национал-политический концепт снова вернулась в общественную жизнь XIX века благодаря нашумевшим событиям (в т. ч. революциям в Европе входе т. н. «Весны народов»). Именно тогда русские писатели, такие как князь Вяземский, Жуковский, Тютчев и Хомяков, начали создавать произведения на эту тему. Таким образом, идея «Святой Руси» значительно повлияла на общественную и культурную жизнь XIX века в Российской Империи.

Наиболее ярко это проявилось в творчестве князя Петра Андреевича Вяземского – он посвятил Святой Руси несколько стихотворений. Вяземский как раз пишет о Святой Руси как о духовном идеале, который есть в России и которого Россия должна быть достойна. Она не заведомо святая, но должна таковой быть, стремиться к этому.

Итак, концепция святой Руси являлась главной темой диалога Петра Андреевича Вяземского и Василия Андреевича Жуковского во время революции 1848–1849 годов. Она была ответом на революционную политико-общественную ситуацию в Европе. Следующим поэтом, который развивал идеи концепции «Святой Руси», был Федор Иванович Тютчев.

Его стихотворение «День Православного Востока» [29, II, 238] посвящено этой идее. Для Тютчева, в отличие от ранних славянофилов, «Святая Русь» – это не утопия, но реальность. Поэт в своем стихотворении также разделяет мир на две части: восточную и западную. Восток – это «расширяющееся пространство», а Запад – это «ограниченное пространство».

С другой стороны, основоположник славянофильства, но при этом чуткий поэт А. С. Хомяков в своих стихотворениях показывает, что «Святая Русь» является утопией, «потерянным раем» и, соответственно, противоположностью Российской империи которая была полна беззакония и грехов. Для автора молитва – единственный способ спасти Российскую империю. Стоит сугубо отметить, что *только Алексей Хомяков* наиболее близок (по сравнению с другими рассмотренными в данной статье авторами – от монаха Филофея до поэтов времен Николая Первого) *к христианскому миропониманию*. Он последовательно, хотя и без явной критики, избегает языческого обожествления родины, сакрализации страны и народа, наоборот, его мысль обращена с покаянным воплем к разгневанным небесам.

Его поэзия на популярные уже несколько столетий темы *Святой Руси* и *Третьего Рима* скорее вопль библейского пророка, своеобразная иеремиада, скорбь о грехах «Нового Иерусалима», чем панегирик в честь реальных (зачастую преувеличенных), или мнимых побед, и достижений Российской (или иной) империи. Со строго богословской точки зрения, его поэзия приближается к художественной (ре)презентации христианской доктрины (в чистоте ее догматического разумения); у него речь идет о поклонении Богу (*adoratio*) и почитании (*vereneration*) народных святынь. Но его глас (вопиющего в социальной пустыне пророка) не был услышан, поэзия полузабыта. Но медь и триумфы продолжают звучать в неисцеленной суеде мира сего.

Только в начале XX века, когда произошла религиозная деградация и свершилась явная «паганизация» (реанимированное языческого мирозерцания) это словосочетание вводится, как ни странно, и в церковные тексты. А об Иисусе Христе почти все на *святой Руси* «благополучно» забыли. Между тем, только Он – источник и смысл всякой реальной святости. В 1917 году появляется

фраза: «Русь Святая, храни веру православную» [24]. Обратим внимание – это уже после Февральской революции. Казалось бы, Русь провалилась в какую-то политическую пропасть, «слиняла», как говорил В. В. Розанов, в течение двух-трех дней, а в церковных текстах появляется словосочетание «Святая Русь». Когда нет уже никакой надежды на государство, на монархию, остается надежда на Святую Русь. А что такое Святая Русь? Святая Русь – это конкретные люди, которые стремятся исполнять заповеди, готовы к мученичеству, исповедничеству, которые в последующие годы и стали мучениками и исповедниками.

А поэты девятнадцатого столетия благополучно оставили сей мир до того, как наступили его «минуты роковые». Бог им и нам Судья.

Литература

1. Бауэр, Е. А. Судьба теории «Москва – Третий Рим» в древнерусской книжности (к историографии проблемы) / Е. А. Бауэр // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 23–30.
2. Бедаев, А. И. Святая Русь: Генезис и содержание идеи / А. И. Бедаев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 249–255.
3. Беркен, В. ван дер. Святая Русь в русской литературе XIX в.: за и против / В. ван дер Беркен // Русская литература XIX в. и христианство, под ред. В. Кулешова. – М., 1997. – С. 361–380.
4. Будин, П.-А. Стихотворение Ф. Тютчева «День православного Востока» / П.-А. Будин // Тютчевский сборник II, под ред. Л. Киселева, Р. Лейбов, А. Юнгрен. – Тарту, 1999. – С. 56–67.
5. Вяземский, П. А. Святая Русь [Электронный ресурс] / П. А. Вяземский. – Режим доступа: <https://tanya-vasilenko.livejournal.com/3881.html>
6. Гайда, Ф. А. Что значить «Святая Русь»? [Электронный ресурс] / Ф. А. Гайда. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/63409.html>
7. Гольдберг, А. Л., Дмитриева, Р. П. Словарь книжников и книжности Древней Руси» / А. Л. Гольдберг, Р. П. Дмитриева. – Л., 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 471–473.
8. Горохов, А. А. Культурно-политический контекст начала XIX в. и его влияние на формирование консервативных ценностей политической культуры России / А. А. Горохов // Власть. – 2011. – № 8. – С. 88–90.

9. Грищенко, М. Ю. Идеология общественного развития России / М. Ю. Грищенко // Власть. – 2007. – № 10. – С. 29–31.
10. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
11. Жирмунский, В. М. Введение в метрику: теория стиха / В. М. Жирмунский. – Советский писатель, 1975. – 664 с.
12. Жуковский, В. А. Святая Русь. Письмо князю П. А. Вяземскому. 23-го июля (5-го августа) 1848 г. Кронгаль, близ Соден [Электронный ресурс] / В. А. Жуковский. – Режим доступа: <http://gosudarstvo.voskres.ru/zhukovsk.htm>
13. Захаров, Э. Б. Ф. И. Тютчев и Ю. Ф. Самарин: жизненные и творческие взаимосвязи: дис. ... канд. филол. наук / Э. Б. Захаров. – М., 2000. – 278 с.
14. Зипунникова, Н. Н. Идеологема «Самодержавие православие народность» в политике российского государства в сфере образования и науки первой половины XIX в.: нормативно-правовое закрепление и проблемы реализации / Н. Н. Зипунникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 7–16.
15. Киселев, В. С., Владимирова, Т. Л. Творческая история статьи В. А. Жуковского «Письмо к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»: публикация и комментарий / В. С. Киселев, Т. Л. Владимирова [The creative history of V. A. Zhukovsky's article "Letter to Prince P.A. Vyazemsky about his poem Holy Russia": publication and commentary] // Вестник Томского государственного университета. Филология [Tomsk State University Journal of Philology]. – 2014. – № 3 (29) – С. 109–124.
16. Киселева, Л. Н. Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси / Л. Н. Киселева // На меже меж голосом и эхом. – М., 2007. – С. 136–147.
17. Кожаев, М. М. Категория власти согласно концепции «Москва третий Рим» / М. М. Кожаев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 13–23.
18. Комаровских, К. Ф., Комаровских, Н. И. Святая Русь с давних времен до наших дней / К. Ф. Комаровских, Н. И. Комаровских // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – Вып. 204. – СПб., 2014. – С. 282–287.
19. Лепяхин, В. В. Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси [Электронный ресурс] / В. В. Лепяхин. – Режим доступа: <http://pravoslavie.ru/330.html>

20. Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды, под ред. Б. А. Успенский. – Т. 1. – М. Языки русской культуры, 1996. – С. 124–141.
21. Нуреева, С. В. Константы государственности в России в XIX веке / С. В. Нуреева // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – № 3. – С. 4–11.
22. Печенкина, О. Ю. Концепт Русская земля (Святая Русь) в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» / О. Ю. Печенкина // Вестник Брянского государственного университета. – 2017– № 3 (33). – С. 225–230.
23. Платонов, О. А. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / О. А. Платонов. – М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2000. – 1040 с.
24. Розанов, В. В. Апокалипсис нашего времени [Электронный ресурс] / В. В. Розанов. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>
25. Столович, Л. Н. История русской философии. Очерки / Л. Н. Столович. – М.: Республика, 2005. 495 с.
26. Сторчак, В. М. Мессианство как социокультурный и идеологический феномен России (вторая половина XV – первая треть XX вв.): автореф. ... докт. филос. наук / В. М. Сторчак. – М., 2007. – 55 с.
27. Толстиков, В. А. Национальная идея России: к вопросу об эволюции представлений и метода формирования / В. А. Толстиков // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2017. – № 1 (42). – С. 52–55.
28. Трубецкой, Н. С., князь. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой. – М.: Аграф, 1999.
29. Тютчев, Ф. И. Полн. собр. сочинений и писем: в 6 т. / Ф. И. Тютчев. – М.: Издат. центр «Классика», 2003. – Т. 2. – 640 с.
30. Флоровский Г. Пути русского богословия [Электронный ресурс] / Г. Флоровский. – Режим доступа: https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=838#_Тoc32119582
31. Ходаковский, Е. А. Третий путь третьего Рима: Россия и Восток / Е. А. Ходаковский // Пространство и время. – 2011. – № 3. – С. 23–30.
32. Хомяков, А. С. России [Электронный ресурс] / А. С. Хомяков. – Режим доступа: <http://pesni.voskres.ru/poems/homya05.htm>
33. Хомяков, А. С. [Электронный ресурс] / А. С. Хомяков. – Режим доступа: <http://pitzmann.ru/homyakov.htm>

34. Хомяков, А. С. Тебя призвал [Электронный ресурс] / А. С. Хомяков. – Режим доступа: https://45parallel.net/aleksey_khomyakov/tebya_prizval_na_bran_svyatuyu.html
35. Хомяков, А. С. Сочинения: в 2 т. / А. С. Хомяков. – Т. I. – М.: Московский философский фонд Издательство «Медиум», 1994. – 589 с.
36. Шушпанов, Е. С. Трансформация идей старца Филофея в XVI–XVII вв. / Е. С. Шушпанов [Transformation of ideas of aged man Filofeja in XVI-XVII centuries] // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – № 2. – (Философия). – С. 190–197.
37. Mirsky, D. S. A History of Russian Literature from its Beginnings to 1900 / D. S. Mirsky. – New York, 1958.
38. Osadczy, W. Swiata Rus. Rozwoj i oddziafywanie idei prawosiawia w Galicji / W. Osadczy. – Lublin, 2007.
39. Romanowski, D. Trzeci Rzym. Rozwój rosyjskiej idei imperialnej / D. Romanowski. – Kraków, 2013.
40. Stefaniuk, T. Krytyka Europy i rozumu w myśli słowianofilskiej / T. Stefaniuk // Dylematyracjonalności. Między rozumem teoretycznym a praktycznym / pod red. Z. Czarneckiego. – Lublin, 2001.

References

1. Baue`r, E. A. Sud`ba teorii «Moskva – Tretij Rim» v drevnerusskoj knizhnosti (k istoriografii problemy) [The fate of the theory "Moscow as the third Rome" in the old russian scripts (to the historiography of the problem)] // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarny`e nauki ["University proceedings. Volga region. Humanities]. – 2013. – № 3 (27). – S. 23–30.
2. Bedaev, A. I. Svyataya Rus`: Genезis i sodержanie idei [“Holly Russia”: genesis and content of the idea] // Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. – 2015. – № 3 (44). – S. 249–255.
3. Berken, V. van der. Svyataya Rus` v russkoj literature XIX v.: za i protiv // Russkaya literatura XIX v. i xristianstvo, pod red. V. Kuleshova. – Moscow, 1997. – S. 361–380.
4. Budin, P.-A. Stixotvorenie F. Tyutcheva «Den` pravoslavnogo Vostoka» // Tyutchevskij sbornik II, pod red. L. Kiseleva, R. Lejbov, A. Yunggren. – Tartu, 1999. – S. 56–67.
5. Vyazemskij, P. A. Svyataya Rus` [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://tanya-vasilenko.livejournal.com/3881.html>
6. Gajda, F. A. Chto znachit` «Svyataya Rus`»? [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://pravoslavie.ru/63409.html>

7. Gol`dberg, A. L., Dmitrieva, R. P. Slovar` knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi». – Leningrad, 1989. – Vy`p. 2. – Ch. 2. – S. 471–473.
8. Goroxov, A. A. Kul`turno-politicheskij kontekst nachala XIX v. i ego vliyanie na formirovanie konservativny`x cennostej politicheskoy kul`tury` Rossii // *Vlast`*. – 2011. – № 8. – S. 88–90.
9. Grishhenko, M. Yu. Ideologiya obshhestvennogo razvitiya Rossii // *Vlast`*. – 2007. – № 10. – S. 29–31.
10. Danilevskij, I. N. *Povest` vremenny`x let: germenevticheskie osnovy` istochnikovedeniya letopisny`x tekstov*. – Moscow: Aspekt-Press, 2004. 370 s.
11. Zhirmunskij, V. M. *Vvedenie v metriku: teoriya stixa*. – Sovetskij pisatel`, 1975. – 664 s.
12. Zhukovskij, V. A. *Svyataya Rus`*. Pis`mo knyazyu P. A. Vyazemskomu. 23-go iyulya (5-go avgusta) 1848g. Krontal`, bliz Soden [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://gosudarstvo.voskres.ru/zhukovsk.htm>
13. Zaxarov, E. B. F. I. Tyutchev i Yu. F. Samarin: zhiznenny`e i tvorcheskie vzaimosvyazi. Dis. ... kand. filol. nauk. – Moscow, 2000. – 278 s.
14. Zipunnikova, N. N. Ideologema «Samoderzhavie pravoslavie narodnost`» v politike rossijskogo gosudarstva v sfere obrazovaniya i nauki pervoj poloviny` XIX v.: normativno-pravovoe zakreplenie i problemy` realizacii [Ideologema "Autocracy – Orthodoxy – The Nationality" in the Russian State Policy of the Educational and Scientific Sphere in the First Half of XIX: Legal Norms and Realization Problems] // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. – 2010. – № 4. – S. 7–16.
15. Kiselev, V. S., Vladimirova, T. L. Tvorcheskaya istoriya stat`i V. A. Zhukovskogo «Pis`mo k kn. P. A. Vyazemskomu o ego stixotvorenii "Svyataya Rus`"»: publikaciya i kommentarij // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. – 2014/ – № 3 (29) – S. 109–124.
16. Kiseleva, L. N. Dialog Vyazemskogo i Zhukovskogo o Svyatoj Rusi // *Na mezhe mezh golosom i e`xom*. – M., 2007. – S. 136–147.
17. Kozhaev, M. M. Kategoriya vlasti soglasno koncepcii «Moskva tretij Rim» / M. M. Kozhaev // *Izvestiya Tul`sckogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny`e nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences]. – 2009. – № 2. – S. 13–23.
18. Komarovskix, K. F., Komarovskix, N. I. *Svyataya Rus` s davnix vremen do nashix dnei* // *Trudy` Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul`tury`*. – Vy`p. 204. – Sankt-Peterburg, 2014. – S. 282–287.

19. Lepaxin, V. V. Ikonichny`j obraz svyatosti: prostranstvenny`e, vremenny`e, religiozny`e i istoriosofskie kategorii Svyatoj Rusi [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://pravoslavie.ru/330.html>
20. Lotman, Yu. M., Uspenskij, B. A. Otvzuki koncepcii «Moskva – Tretij Rim» v ideologii Petra Pervogo Yu. M. Lotman, B. A. Uspenskij // Uspenskij B. A. Izbranny`e trudy`, pod red. B. A. Uspenskij. – T. 1. – Moscow: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1996. – S. 124–141.
21. Nureeva, S. V. Konstanty` gosudarstvennosti v Rossii v XIX veke [Statehood constants in the 19 th century Russia] // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. – 2012. – № 3. – S. 4–11.
22. Pechyonkina, O. Yu. Koncept Russkaya zemlya (Svyataya Rus`) v romane A. K. Tolstogo «Knyaz` Serebryany`j» [The concept of the Russian Land (Holy Russia) in the novel ‘Prince Serebrenni’ By A. K. Tolstoy] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 3 (33). – S. 225–230.
23. Platonov, O. A. Svyataya Rus`. E`nciklopedicheskij slovar` russkoj civilizacii. – M.: E`nciklopediya russkoj civilizacii, 2000. – 1040 s.
24. Rozanov, V. V. Apokalipsis nashego vremeni [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>
25. Stolovich, L. N. Istoriya russkoj filosofii. Oчерki. – Moscow: Respublika, 2005. 495 s.
26. Storchak, V. M. Messianstvo kak sociokul`turny`j i ideologicheskij fenomen Rossii (vtoraya polovina XV – pervaya tret` XX vv.): avtoref. ... dokt. filos. nauk / V. M. Storchak. – Moscow, 2007. –55 s.
27. Tolstikov, V. A. Nacional`naya ideya Rossii: k voprosu ob e`voljucii predstavlenij i metoda formirovaniya // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). –2017. –№ 1 (42). – S. 52–55.
28. Trubeckzkoj, N. S., knyaz`. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka. – Moscow: Agraf, 1999.
29. Tyutchev, F. I. Poln. sobr. sochinenij i pisem: v 6 t. – Moscow: Izdat. centr «Klassika», 2003. – T. 2. – 640 s.
30. Florovskij G. Puti russkogo bogosloviya [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=838#_Toc32119582
31. Xodakovskij, E. A. Tretij put` tret`ego Rima: Rossiya i Vostok // Prostranstvo i Vremya. 2011. – № 3. –S. 23–30.
32. Xomyakov, A. S. Rossii [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://pesni.voskres.ru/poems/homya05.htm>

33. Xomyakov, A. S. [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <http://pitzmann.ru/homyakov.htm>
34. Xomyakov, A. S. Tebya prizval [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://45parallel.net/aleksey_khomyakov/tebya_prizval_na_bran_svyatuyu.html
35. Xomyakov, A. S. Sochineniya: v 2 t. – T. I. – Moscow: Moskovskij filosofskij fond Izdatel`stvo «Medium», 1994. 589 s.
36. Shushpanov, E. S. Transformaciya idej starca Filofeya v XVI–XVII vv. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2009. – № 2 (Filosofiya). – S. 190–197.
37. Mirsky, D. S. A History of Russian Literature From its Beginnings to 1900. – New York, 1958.
38. Osadczy, W. Swiata Rus. Rozwoj i oddziafywanie idei prawosiawia w Galicji. – Lublin, 2007
39. Romanowski, D. Trzeci Rzym. Rozwoj rosyjskiej idei imperialnej. – Kraków, 2013.
40. Stefaniuk, T. Krytyka Europy i rozumu w myśli slowianofilskiej // Dylematyracjonalności. Między rozumem teoretycznym a praktycznym / pod red. Z. Czarneckiego. – Lublin, 2001.

SACRALISATION OF THE NATIONAL PRINCIPLE
IN THE WORKS OF RUSSIAN POETS
OF THE CONSERVATIVE DIRECTION

E. V. Nikolsky

Doctor of Sciences (Philology) (Dr. hab.), Professor, doctor of theology, master of religious studies, expert of the scientific and publishing Council for the publication of the Full collection of the creation by St. Theophanes, the Recluse, Carpathian University named after Augustine Voloshin (Uzhgorod, Ukraine)

Abstract

The problem of sacralization of the national principle (expressed in particular in the idea and concept of "Holy Russia") in Russian culture and literature has been and remains very relevant. Often she in has gone in contradiction with Christian doctrine. On the theme of "Holy Russia" wrote Fyodor Ivanovich Tyutchev. He perceived the idea not as a utopia, but as a reality. Through "Holy Russia" the poet tried to define the place and role of Russia in the world. Among the poets who developed the concept of "Holy Russia" in his work, can be called Alexei Stepanovich Khomyakov. He was an artist, publicist but, above all, a philosopher, the founder of Slavophilism. His work is full of philosophical and religious motives. In his works the poet

refers to truth, faith, love, prayer. Hamsters were treated the idea of "Holy Russia" is critical. His poetry on the popular for several centuries themes of Holy Russia and the Third Rome is rather the cry of the biblical prophet, a kind of Jeremiah, grief about the sins of "new Jerusalem" than a Eulogy in honor of real (often exaggerated), or imaginary victories and achievements of the Russian (or other) Empire. From a strictly theological point of view, his poetry is close to the artistic (re)presentation of the Christian doctrine (in the purity of its dogmatic understanding); he is talking about the worship of God (adoratio) and veneration of folk shrines. But his voice (the prophet crying in the social desert) was not heard, the poetry was half forgotten. But copper and triumphs continue to resonate in naisseline hectic world.

Keywords: Christianity vs paganism, Holy Russia, conservatism, Slavophilism, heresy, Orthodoxy, romanticism, political poetry, pan-Slavism, Polish question, national idea

Поступила в редакцию 03.01.2019